

ключается въ томъ, что изъ романовъ Зола запрещены только два („Западнѣя“—т.-е. „Assommoir“—и „Нана“), а сочиненія г. Златовратскаго запрещены безусловно. Читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно наше мнѣніе о Зола; мы вовсе не считаемъ его безнравственнымъ писателемъ, какимъ любитъ выставять его рутинная критика, и менѣе всего видимъ безнравственности въ „Assommoir“, этой глубоко-трагической и поучительной картинѣ вырожденія, обусловливаемого пьянствомъ. Не сочувствуя мѣрѣ, принятой по отношенію къ Зола, мы можемъ, однако, понять ее, въ виду страницъ извѣстнаго сорта, слишкомъ многочисленныхъ въ „Assommoir“ и особенно въ „Нана“; но мы не можемъ представить себѣ лучшаго противоядія противъ излишествъ французскаго нео-реализма, какъ сочиненія Левитова, Рѣшетникова, Слѣпцова, Помяловскаго, г. Златовратскаго. Всѣ эти сочиненія внесены въ index—и для читателей затрудненъ, такимъ образомъ, доступъ въ пѣлую область, прямо противоположную золаизму. Простая, свѣжая, укрѣпляющая пища признана вредной только потому, что ее не въ силахъ были переварить нѣсколько исключительныхъ, болѣзненно разстроенныхъ организмовъ. Нѣтъ такой книги, которую нельзя было бы перетолковать вкривь и вкось, изъ которой нельзя было бы почерпнуть аргументовъ въ пользу чуждой ей тѣмы. Быть можетъ, чтеніе названныхъ нами авторовъ и породило въ комъ-нибудь чувства раздраженія и ненависти—но это еще не значитъ, чтобы они были проникнуты чѣмъ-либо инымъ, кромѣ любви къ народу. Помяловскій, отчасти и Рѣшетниковъ имѣютъ, притомъ, болѣе историческое, чѣмъ современное значеніе; міръ, изображенный въ „Очеркахъ бурсы“, въ „Подлиповцахъ“, отошелъ или отходитъ въ прошедшее и не можетъ болѣе возбуждать страстныхъ порывовъ негодованія и злобы. Пройдетъ не много лѣтъ—и историку нашей „народнической“ литературы трудно будетъ повѣрить, что она могла быть объявлена „вне закона“. Еще болѣе памятнымъ останется, по всей вѣроятности, изыятіе изъ обращенія сочиненій Добролюбова—писателя, которымъ могла бы гордиться всякая европейская литература. Не знать Добролюбова—значитъ не знать и не понимать движенія русской мысли за послѣднюю четверть вѣка. Отчего бы тогда не внести въ index и сочиненія Бѣлинскаго, соединивъ въ одной общей судьбѣ учителя и ученика, набросивъ покрывало на два одинаково знаменательные фазиса развитія русской критики?

Въ одной изъ газетныхъ статей, вызванныхъ разбираемымъ нами спискомъ, запретительныя мѣры по отношенію къ библіотекамъ для чтенія и общественнымъ читальнямъ объясняются „твердымъ убѣжденіемъ правительства, что социальныя и политическія науки слу-